

«Для меня было важно сделать картину не о победителях, а о побежденных. Хотел сказать, что все мы одинаковы, все мы страдаем. Попытаться забыть через фильм войну как страшный сон».

Фестиваль бойня без правых и виноватых

Открытый фестиваль кино стран СНГ и стран Балтии (в просторечии «Киношок») подвел итоги. «Золотая лоза» обвила «Ангела справа» Джамшеда Усмонова (Таджикистан – Италия – Швейцария – Франция), а приз за режиссуру увез «Последний поезд» Алексея Германа-младшего. Его картина была не единственной, которая трактовала темы прошлого. Эстонцы, к примеру, показали фильм «Имена в граните», воспевав патриотизм эстонских гимназистов в борьбе с Россией в 1918 году. Белоруссия привезла историческую легенду «Анастасия Слуцкая», снятую, кстати сказать, под патронатом Лукашенко и повествующую о борьбе Литовского княжества (в состав которого входила Белоруссия) с татарами.

В который раз убеждаюсь на «Киношоке», как был прав капитан Врунгель, озвучив простую истину: «Как вы судно назовете, так оно и поплывет». Непрерывающийся дождь, ветер. В сельском кинотеатре сыро и холодно. На завтрак – манная каша, на ужин – холодные макароны. В перерыве – разогретое киноблюдо.

Поэтому так легко погружаешься в гиперреалистическое полотно «Последнего поезда» Германа Алексея Алексеевича (как именует себя в титрах сценарист и режиссер). Великая Отечественная война. Немецкий доктор бредет из госпиталя. Потом на снегу долго разговаривает с таким же сбившимся с пути немецким почтальоном. На лицах – печать интеллекта (доктора играет проф. Романов, почтальона – проф. Меркурьев). Оба беспомощны. Кто отступает, кто наступает – не понять. «Русские убивают немцев. Немцы убивают русских...» – резюмирует Герман, утверждая, что Алексей Юрьевич картины не видел. Сравнение с отцом едва терпит.

Свою беседу с дебютантом в большом кино я начинаю с Венеции, где фильм был показан впервые и удостоился специального упоминания жюри дебютов.

– Итог венецианского кинофестиваля всем известен. А как все выглядело изнутри?

– Я никого не видел. Вуди Аллена не видел. В основном ходил загорать на пляж, потому что уже лет шесть не был на море. В Венеции было пять показов «Последнего поезда».

Алексей Герман-младший считает кинематографа отца практически совершенным, но сравнение с ним едва терпит

*Москва
новост
2003 - 22 сент. - С. 27.*

Конечно, таких оцаций, как господин Звягинцев, я не удостоился. Но на кинорынке к нам пришло 12 прокатчиков: по сравнению обычными двумя-тремя это совсем неплохо.

– Пойдет ли ваша картина в зарубежный прокат?

– Меня никто на переговоры не пускал. Они там обедали, беседовали. Я плохо знаю английский. Заниматься продажами – дело Елены Яцур. (На «Киношоке» она была названа лучшим продюсером. – Ред.) Мавр сделал свое дело... Мне нужно было сделать картину, которая бы пошла. Не только у нас. Пошла в Европе.

– Чем продиктовано ваше обращение к войне?

– Для меня было важно сделать картину не о победителях, а о побежденных. Хотел сказать, что все мы одинаковы, все мы страдаем. Попытаться забыть через фильм войну как страшный сон. Была большая бойня, где не было правых и виноватых, где все гибли. Мой фильм – не более чем наблюдение за интеллигентными людьми в последние минуты их жизни. Жанр драматургии меня не интересовал. Я не вижу ему места, когда люди умирают, часто случайно.

– Меня все же задела реплика заблудившихся немцев по адресу русских партизан: «Они варвары».

– А что они должны сказать: «Партизаны не правы»? Воюющий немец не должен любить людей, которые только что убили его соотечественников. И русские на войне не должны любить немцев. Иначе получится довольно глупая мелодрама.

– Вы снимаете в стилистике отца?

– Безусловно, это так. Я работаю в той стилистике, которая мне нравится. Это экранная пластика, художественная манера, которая стала достоянием

отечественного кинематографа. Конечно, я люблю кино отца и считаю его практически совершенным. Другие стилистические направления, которые сегодня существуют в России, мне непонятны. Я их не чувствую. Я не очень понимаю, как можно красиво и выразительно снимать торговый ларек.

– Главные герои у вас говорят по-немецки. Каким образом озвучивался фильм?

– Я считаю, что звуковой прием надо доводить до конца. Если бы персонажи говорили по-русски, это бы напоминало плохие советские фильмы про войну 70-х годов. Мы столько сил вложили в озвучание, что класть поверх русский текст, как это было сделано в «Цирюльнике», мы посчитали неправильным. Мы решили пойти навстречу неприятностям. Таким, как отсутствие в нашей стране культуры читать субтитры.

– Но кто же так чисто говорит по-немецки?

– Мы сделали слабую попытку попросить актеров выучить текст на немецком. Не выучили. Затем вызвали трех актеров из Германии. Все остальное озвучивали какие-то шоферы из посольства, бизнесмены.

– Сколько времени вы работали над картиной?

– Года два. Начинать делать короткометражку. Затем я расширил сценарий. За год сняли 3/4 фильма. Текст весь мой. Хотя что-то я выдираю из Ремарка, из Белля, даже из «Записок врача» Булгакова.

– Вы ведь учились сначала на театроведческом. Почему потянуло в режиссуру?

– Я себя не нашел на театроведческом. Был не готов сидеть в библиотеках. Мне интересно что-то вещественное. Понял, что что-то надо менять в жизни.

Людмила КИНДИРЕНКО



Галина Кийт. РИА «Новости»